

Стас Степанов

Лада. Рысь

Книга 1

Начало: часть 1

18+

Стас Степанов
Лада. Рысь. Книга
1. Начало. Часть 1

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=72829132

SelfPub; 2025

Аннотация

Изгнал Западно-Сибирский совет волхва Весимира из своих рядов – да ещё и Чёрным волхвом оклеймил. И задумал он за сиё отомстить бывшим коллегам – да вляпался в де... крупные неприятности...

Жила-была простая девушка в глухой сибирской деревне, серьёзных проблем не ведая. Животные её любят, дружит с самделишным медведем и белыми волками, зато сверстники её считают "не в себе". И был у неё ещё один друг – старый рысь. Который ценою своей жизни спас Ладу от насилия и рабства.

А в это время пробуждались от дремучего сна параллельным курсом – но не вместе! – матушка-природа и нежить Кошун.

Содержание

Пролог	4
Глава 1. Важное знакомство	42
Глава 2. Лада и рысь	59
Конец ознакомительного фрагмента.	74

Стас Степанов

Лада. Рысь. Книга

1. Начало. Часть 1

Пролог

Год назад.

В отличие от первых двух декад мая последняя соизволила порадовать жителей Яйского района Кемеровской области животворящим солнечным теплом. Три недели шли унылые морозящие дожди с нечастыми остановками, превращая грунтовые дороги, пашни, луга и дворы в грязевое болото. Земля уже не могла впитать в себя несметное количество воды, отчего глубокие, широкие и грязные лужи стали обыденным явлением. Обычно воздух нагревался не выше 10-12 градусов, оттого плюс пятнадцать в редкие дни казались комфортно тёплыми.

После продолжительного водяного штурма, с восходом первого в мае солнца, жители деревень, посёлка и города по внутренним ощущениям оказались в раю. Не взирая на дикую влажность и марево, исходящее от быстро прогреваемой

земли.

К обеду третьего сияющего дня Лада – коренная жительница небольшого яйского села с названием Николаевка – отважилась, наконец-то, отправиться в тайгу после томительно длительного заточения в стенах дома. К сожалению, а, может, и к счастью – кто знает? – походы в темнохвойный лес почти полностью заменяли ей живое общение со сверстниками, с которыми она никак не находила общий язык ввиду некоторых особенностей своего характера.

Талант Лады проявлялся в совершенно противоположном направлении: насколько её не любят молодые парни и девушки, – настолько признают за «свою» домашние и лесные животные. Как, например, два белых волчонка и бурый медведь. Особенно мишка, каждый раз встречающий её под кроной тайги, как родной старший брат Сергей, проживающий с семьёй в городе Анжеро-Судженск. То есть, с великой радостью и обожанием. Вопреки своим грубой силе и мощи, медведь инстинктивно находил ту тонкую грань, за которой он невольно может навредить – а то и сломать безвозвратно! – весьма хрупкому человеку в объятиях, играх и увеселениях совместных.

Лада Рысь могла делать с так называемым диким хищником что угодно, включая невозможные безумства. Она тискала медвежью морду, без намёка на страх рассматривала смертоносные когти, дёргала шуточно за хвост, усы или уши, совала ручки в кошмарную пасть, – а челюсти и не думали

смыкаться, чтобы раздробить кости «обнаглевшей нахалке»! Однако и эти странности не всё: девушке привилегированно позволялось то, что не потерпит ни один не прирученный дикий зверь – ездить верхом на косолапом!! Правда, Рысь пользовалась своим правом нечасто, ведь под сенью леса можно незаметно и болезненно в беге отгребсти от какой-нибудь коварной ветки. Один раз щёку прижигала пихтовая хвоя, оставившая ненадолго красные следы на коже.

Сейчас девушка углублялась во влажный лес одна – рано или поздно бурый приятель выйдет к ней сам. Она никуда не торопилась – попросту с наслаждением вдыхала упоительные таёжные ароматы, слушала переливчатое щебетание птиц, кое красивее любой человеческой музыки, и ловила рассеянные кроной лучики солнца округлым, пылающим конопутками, личиком. В ясных хвойно-зелёных глазах играли озорные огоньки, на пухлых сочных губах блуждала лёгкая улыбка, в душе полная безмятежность – не удивительно, что звери охотно идут с ней на контакт и любят, как малыши – родную мамку.

Животные-то и растения любят, обожают родители, старший брат Сергей и бабушка, а вот сверстники откровенно недолюбливают. В свои 22 года у Лады до сих пор не было мужчины (во всех смыслах слов), нет надёжной подруги, её обходят стороной, над ней насмеются. Она мечтает обзавестись семьёй, родить минимум пятерых крепких детишек, но... Но парни считают привлекательной только её фигур-

ку и желают затащить в постель, дабы поразвлечься, что девушка прекрасно осознаёт, благодаря глубокой женской проницательности: убеждена, что секс может быть только после свадьбы, не раньше. По характеру миролюбивая, спокойная, уравновешенная, неконфликтная, потому злые слова вроде «дурра ненормальная, так и останешься в девках до самой смерти» или «серая мышка», её совсем не трогали. Это тело и девственность достанутся исключительно потенциальному мужу!

Тугая густая русая коса опускалась ниже лопаток: с распущенными волосами глупо гулять по лесу. Округлые бёдра и плечи, круглый милый животик, высокая грудь и малый рост – метр пятьдесят девять сантиметров – привлекают не только сверстников. Сорокалетние дяди также не могут оторвать от неё глаз, в том числе женатые. Хоть писаной красавицей Ладу не назовёшь, однако женственная фигурка влечёт почище электромагнита...

Девушка почувствовала его, не дойдя до него метров сто. Не взирая на опасность, страх не сумел поселиться в душе, ему нет места. Огоньки в глазах заплясали веселее, улыбка засияла ярче, в крови забурился азарт, вытеснивший мысли о буром мишке. Она смогла подкрасться к рыси *незамеченной!* Точнее, к рысю. Очень старый седой самец неспешно лакомился двухмесячным телёнком, морда в крови жертвы, как и передние лапы и шея.

«Вряд ли котик стащил его из хлева. Наверно, сам сбе-

жал», – подумала Лада о телёнке, внутренне посочувствовала нерадивым хозяевам.

Она отчаянно смело вышла из зарослей, излучая море доброты и любви. Рысь резко поднял глаза на нарушительницу спокойствия, оскалил кровавую пасть и... Впервые в своей нелёгкой долгой жизни кот не испытал к человеку неприязнь и ненависть. Напротив: в груди всколыхнулись симпатия и желание потереться о его (человека) нижние конечности. Он не враг и у него нет намерения отобрать у рыся еду.

Лада сторожко, медленно тронула с места и не подумав дать дёру. Убежать всё равно не удастся даже от старого самца с плоховатым зрением, а разозлить – запросто! Кот настроенно, в смешанных чувствах, взирал на двуногого зверя, не зная, что делать: толи прогнать попробовать наглеца, толи самому убежать от греха подальше. С седой бороды, постепенно высыхая, стекали тягучие жертвенные капли крови.

Когда между ними оставались считанные метры, рысь встрепенулся, немного неуклюже поднялся на лапы, зашевелил усами, носом и полуобвисшими кисточками ушей, затем предупреждающе мяукнул, тряхнул влево-вправо головой, стряхивая с себя большую часть крови. Опять это странное желание потереться о нижние конечности!

Словно чувствуя внутреннюю борьбу кота, девушка увереннее сблизилась с ним, обойдя объединенного телёнка. Её родители, сколько помнит себя, содержат скот большим поголовьем и неплохим видовым разнообразием, потому запах

крови и внутренностей убиённого брезгливости или иные эмоции не вызвали. Чуть ли ни каждую неделю отец подводит под нож какую-либо хлевную живность.

– Рысёнок, милый, – я человек, но не враг тебе. Я твой друг – вот честно-честно! Ты сильно устал – а я помогу тебе немножечко снять усталость и стресс. Сушая правда – легче станет, никогда никого не обманывала...

Рысь воспринимал речь девушки, как наваждение и, одновременно, как песнь давно забытой матери. Поблёкшие от дряхлости глаза закатились в наслаждении, замурлыкал, аки домашний котёнок, лапы подкашивались от неизведанного удовольствия, потереться о ноги захотелось почти непреодолимо.

Время неумолимо бежало, а дружественная связь между двумя диаметрально противоположными рысьями неизменно крепла. Они встречались чуть ли не каждый день на его территории, вместе играли, вместе смеялись и мяукали, бывало, вместе засыпали где-нибудь на полянке или под разлапистым деревом. Точнее, спала Лада, кот же оберегал её сны вплоть до того, что отгонял лапами назойливых летающих кровососов. Порой, в «догонялках» уступал ей по скорости, мол, старенький, сила и дыхалка не те, что в былые времена. Нет, рысь совсем не испытывал человеческих чувств, но нечто похожее и без капли фальши и лживости. По крайней мере, Лада распознавала кошачьи эмоции именно так, на уровне интуиции и первобытных инстинктов.

Понимая всё так же интуитивно, насколько тяжело охотиться новому другу с залогом успеха, она использовала любую возможность, чтобы принести рысью сырые мясо, кости или требуху. Из ласковых рук рысь ел что угодно, не огрызаясь, как то положено хищнику, включая чисто человеческие продукты: хлеб, макароны «по-флотски» и даже варёную картошку! Прогуливаясь по тайге, девушке ненужно было специально искать его, звать, кликать. Кот сам находил её, выходя откуда-нибудь из зарослей на глаза или встречал лёжа на земле или на заваленном дереве.

Месяц от месяца необычная – мягко говоря – дружба лишь крепчала, переходя постепенно на новую плоскость отношений. К тому же он сохранял нейтралитет к другим её четвероногим друзьям: белым волчатам и бурому медведю, что так же невероятно, ибо различные хищники обычно не терпят на своих территориях чужаков. Нечто странное, чудное творится в северокузбасской тайге.

Родные знали о подобном, но реагировали по-разному. К примеру, батька недоволен такими друзьями дочери, однако молчал, не высказывал своё мнение. Матушка всячески поддерживала, справедливо полагая, что часто звери добрее и справедливее иных людей и ежели уж привязались к человеку, то не предадут и не обманут, не ведая, что это за качества такие. Бабушка с житейской мудростью сохраняла спокойствие, целиком полагаясь на внучкины мировосприятие и душевные свойства. Брат и сестра... Им, вроде как, и нет

необходимости об этом знать – меньше знают, крепче спят.

3 года назад.

Приговор происходил максимально просто и без помпезности. Старцы не любили вычурности и усложнений в чём-либо, они чтили и соблюдали традиции и устав предков. Правила предельно простые, эффективные, потому даже в нынешнее время не потеряли актуальности, ведь испытание во многих веках выдержали.

Восемь Старших Волхвов восседали с прямыми спинами, не взирая на весьма почтенный возраст, за массивным прямоугольным деревянным столом на подобной же лавке по одну сторону от оногo. Неприсязательные на первый взгляд посохи возлежали рядышком с владельцами, так как составляют единое целое с ними. Одеты в простые льняные, опоясанные кушаками, длиннополые рубахи и также льняные штаны. А обуты в натуральные лапти!!

Мудрые старцы управляют Западно-Сибирским отделением Сибирского Совета, базирующегося исстари не в одной из региональных столиц, а в небольшом кемеровском городке с названием Анжеро-Судженск. Сейчас волхвы находились в добротной избе Любомира где-то на выселках города с целью вынести справедливый приговор девятому, понуро сидящему напротив них. Он не осмелился пойти против

большинства, к тому же оно всецело поддержали Младшие волхвы. Силёнок для бунта не хватит.

– Кто знает Томскую область лучше меня? – неуверенно спросил обвиняемый – Весимир, – глядя на, скорее всего, уже бывших сотоварищей. В состав Западной Сибири входит девять регионов, каждый из оных курирует один Старец, чаще всего выходец из данной местности, дабы милее было дело жизни. В виду определённых обстоятельств Томская область, похоже, на время лишалась покровителя. Местные власти, возможно, и не подозревали о таинственных Хранителях земли сибирской. – Кто сумеет уверенно возглавить её?

Самый молодой из Белых Старцев, Ерофей, Хранитель Горного Алтая, сурово, даже скорее свирепо, вперил взгляд на возомнившего себя превыше мирских обывателей:

– О томской земле-то не беспокойся: найдётся достойный её оберегать, – отчего-то крепкий, отнюдь не старческий, голос разнился со взором редких хвойно-зелёных глаз – естественно спокойный и уверенный, будто бы и не ему принадлежит.

После сей обмолвки Весимир предельно ясно осознал: не волхвовать ему более в родной Томской области никогда. Потому решил, что нет смысла дальше оправдывать себя, доказывать незаменимость и препираться теперь уже с бывшими, так сказать, коллегами. В любом случае придётся смириться с пренеприятнейшим обстоятельством.

Обережной Алтайского края, именующийся Любомиром, строго глянул на каждого из семи старцев с молчаливым вопросом и каждый из оных, так же молча, утвердительно кивал седой головой, на всякий случай прикладываясь сухопарой ладонью к личному посоху силы. Громкие слова, споры, дебаты, горячечные эмоции, привычные в гражданском судействе, в любом Совете не приветствуются. Причём, не только в Сибирском или Дальневосточном, но и прочих, таких, как Уральский, Волжский, Московский. Даже Кавказском – как и всех прочих. Дело-то серьёзное, а волхвы не рынке торгуются!

Удостоверившись в полнейшем единогласии мнений восьмерых, старший Хранитель Западно-Сибирского отделения, положив обе ладони на мирно лежащий посох (к сему действию подключились и остальные), прямо и равнодушно глядя на сникшего окончательно Весимира, будничным голосом вынес последний приговор:

– Именем Дальневосточного Совета, именем Сибирского Совета, имея на то веские основания и особые полномочия, объявляю: Весимира, Белого Старца, бережного Хранителя томских земель, помнившего себя равным богам...

Приговариваемый, как ни силился, не выдержал каменного взгляда алтайца, с недовольством и заползшим вдруг червячком липкого подспудного страха отвёл к столу свой. Потребовались титанические усилия, чтобы в нервном напряжении не ухватиться за родной посох – а если его лишат,

как атрибута силы и власти?

– ... властолюбца, нарушившего незыблемые коны мудрых предтеч, святотатца, – между тем без остановки, ровно, продолжал «забивать гвозди» правосудия и попутно глубже втаптывать в грязь томича, – отрекаю от обережения и хранения вышеназванных земель, лишаю всех привилегий и регалий, снимаю полномочия на всю оставшуюся жизнь, без права на возврат в лоно Сибирского – или иного – Совета. Назначаю отречение через посох Хранителя.

Ежели б кто по дикой случайности али какому невозможному недоразумению отворил двери этого дома, то в первые минуты лицезрения странного процесса мог подумать, что: либо старички глубоко и надёжно «поймали» маразм стихийного характера, то бишь охвативший всех одинаково и разом; либо вышеназванные в очень далёком детстве не наигрались в волшебников и сейчас догоняют упущенное. Либо чего похуже...

На сей раз очи Старцев полыхали праведным огнём, когда они одновременно поднимались из-за стола, отодвигая за себя стулья и удерживая в руках посохи. Кои больше напоминают простые суковатые кедровые палки, отполированные до гладкости за многие десятки лет, длиною от восьмидесяти сантиметров до одного метра – в зависимости, в основном, от удобства ношения да пользования и роста владельца данной «палки».

Восемь Хранителей взирали только на Весимира, почти

не мигая. В сих взглядах мягкости не наблюдалось совсем, на милосердие рассчитывать не приходилось. Волхв и рад был бы подняться со стула, да ноги отказывались поднимать вмиг огрузневшее тело, словно сами по себе живут. Томич смиренно уронил острый подбородок, устало закрыл блёклые глаза, не смея их казать суровым судьям его судьбы.

Два наверхия посохов – алтайского и томского – соприкоснулись друг с другом, будто бы в поцелуях из недоигранного детства. Весимиру остро пожелалось схватить свой посох и с великой силой треснуть по лбу упрямому Любомиру, да так, чтоб кость треснула и вогнулась внутрь черепа. Разумеется, он не токмо сдержался от заведомо провального поступка, но и ценою невероятных усилий спрятал желание, мысли и чувства на самое дно тёмной души, не желая раскрываться пред этими болванами.

С виду ничего не происходило, никакие визуальные эффекты не наблюдались, словно и впрямь старички того – случайные наблюдатель бязательно бы повертел указательным пальцем у виска. На самом-то деле ещё как происходило – на тонком плане. Любомир стремительно поглощал основу основ тандема – право *быть* в Совете и властной структуры в нём.

Весимир мысленно выдохнул – лишили власти структурной и бережной, однако всё остальное держалось уверенно при них. Зная хорошо Любомира, теперь уже точно бывший Хранитель отчётливо осознавал, что отделался, можно

сказать, лёгким испугом: мог ведь стать одним из миллионов пенсионеров России с самодельной кедровой тростью, на кою не позарится ни один из миллионов пенсионеров. Ха-ха – не только в России! К тому же мог отослать в полумифический, и оттого ещё более страшный, Северный Острог, – конечно же, от имени Верховного Волхва, по совместительству забайкальского главы.

– Отныне – и до скончания веков – ты Чёрный Волхв! – вынес алтаец вердикт так, словно на какую-то пакость наступил и теперь с омерзением пытается от оной оттереться. – И уже сегодня я сообщу о тебе в Центральный Совет.

Хранители начали расходиться, потеряв мгновенно интерес к «подсудимому» – семерым из них ещё предстояло добраться до дому, в родные пенаты: от Республики Алтай и Алтайского края и до Омской области и Ханты-Мансийского автономного округа – ведь путь не близкий, а дел, требующих непосредственного участия каждого бережно-го, нескончаемое множество.

Лишь внутри Весимира всё похолодело и душа в сей момент обросла непроницаемой коростой. Его навсегда исключили из Совета, унизили, втоптали в дорожную пыль. Пожалуй, лучше бы сослали в Северный Острог али помогать выживать малым коренным народам Сибири или Дальнего Востока. Далек-то забираться не нужно: шорцев, к примеру, осталось, порядком, двенадцати тысяч человек в Кемеровской области и сопредельных регионах. А он знает дей-

ственные способы сохранить свою народность, свой вид, как этнос, дабы и через век оные благоденствовали и неизменно увеличивали численность.

Но теперь это пустое. Его знания, навыки, опыт более не потребны ни в тайном, ни в явном обществах.

Любомир не выгонял бывшего Белого Старца из личного анжерского дома и намёком. Однако выше названный не желал и минуты лишней в чужом стане проводить, где ему закрыли все перспективные направления, заклеив «Чёрным Волхвом» на вечное изгнание. Остаётся токмо найти предназначение на остаток жизни заново. Особых сил Хранители не лишили, что, с учётом новой реальности, как бы и не дурственно.

В конце календарного лета того же года, сидя на уцелевшем комле истлевшего берёзового дерева, завалившегося более десятка лет назад, Весимир задумчиво, не чувствуя вкуса, с хрустом грыз крупное зелёное яблоко. Ратибор, казалось бы, беспечно лежал тут же, по левую руку, старая заплечная сумка – на земле, справа от хозяина.

А думал старик о неохватном кедровом островерхом пне в трёх метрах от него. Когда-то очень давно могучий ствол обломился на высоте около полутора метров от земли и уже успел превратиться в едва приметную труху под нечестными зарослями орляка. Создавалось стойкое впечатление, что пень от другого кедра: тлен его почти не тронул, разве что

кора облетела. Нечто в пне было неправильным, не соответствующим естественным природным течениям, как будто бы в нём что-то засело...

Наглая рыжая белка – откуда взялась? – шустро вскочила на оный и, схватившись передними лапками за один из торчащих зубцов, безапелляционно уставилась на седовласого человека. Ему чудилось, что она нахально улыбается, словно дразня этим двуногое существо. Волхв беззлобно улыбнулся в ответ и из ребяческих чувств кинул в зверька недоеденный яблочный огрызок. Бросок был метким, но белка вовремя пригнула голову – тем не менее неубегая и продолжая тарашиться. Волхв непонимающе нахмурился: сии зверьки настолько пугливые, что не только от недавнего броска – от малейшего неловкого движения с его стороны чухнула бы высоко в крону. Эта же будто загипнотизированная.

Весимир схватил посох и осторожно пошагал к «клыкастому» пню и, чем ближе подходил к нему, тем больше недоумевал и тем хуже понимал, что, собственно, происходит. Волхв поднял Ратибора на уровень плеч и уже хотел подвести того к белке, как та внезапно обмякла на зубцах, болезненно закрыла глаза, совсем не забавно сквасила мордочку. Помёрла, что ль?! Как такое возможно? Так, так, так!.. В голову запрыгнула нереальная догадка, кою тут же решил подтвердить али опровергнуть и идти дальше.

Едва коснувшись наверху Ратибора поверхности пня, чуть не отправился в пляс от неожиданного – но такого же-

ланного! – счастья. Неужто привалило! То-то же пень с самого начала заинтересовал внимание изгоя!

– Выкусили, дряхлые Хранители! – Чёрный Волхв желал выкрикнуть в эфир наболевшее, однако с величайшим трудом воздержался от опасного действия – у тайги повсеместно имеются уши и глаза и покамест приходится жить скрытно. Ежели слышат обыватели – оные пройдут, коснувшись пня, мимо и не почухают сокрытую в нём могуту – то не беда, – важнее, чтоб Белые Старцы не учуяли. – Вы меня выбросили, как кутёнка, на погибель из дому, но я выжил и обрел силу Верховного Волхва. А со временем и большую!

Старец коснулся морщинистым лбом столь же морщинистого посоха с ласковым наговором, столь тихим, что услышать можно токмо в непосредственной близости от лица:

– Пришло наше время, Ратиборушко, и без твоей помощи не обойтись.

Пень потому и пережил древо на десятки лет вперёд, что внутри него образовалась не то неразумная сущность, не то некая субстанция, коя за пятнадцать или более лет разрослась до размеров чуть менее волейбольного мячика. Она не давала рассыпаться прахом деревянной оболочке, поскольку оной необходима какая-либо внешняя защита навряде усохшего крупного дерева, густого навала бурелома, небольшого застойного болотца или вроде нынешней. Дабы не зачахнуть и развиваться самой, необходимо питаться регулярно любыми живыми божьими созданиями: от микробов и однокле-

точных растений да животных до покрытосеменных (например, лиственных кустарников и деревьев) и млекопитающих. То есть, всё, что на оболочку попадает, субстанция медленно и неотвратно усыпляет (ежели есть в том нужда), затем без остатка растворяет в себе. Единственным недостатком подобного питания является то, что оно контактно, то бишь с потенциальной жертвой на каком-либо расстоянии она ничего сделать не сумеет, на расстоянии она абсолютно беспомощна.

Уткнувшись наверху в деревяшку, посох протянул к вожделенной силе три энергетических щупальца, безжалостно вонзил коготочки в тело хищника. Сущность успела «издать» в эфир всего один истощный вскрик прежде, чем коготочки парализовали её волю, добравшись до нечто вроде управляющего центра. Весмир поморщился от сего промаха, но сделанного не воротишь, придётся отсюда, в буквальном смысле, утекать. Про гостеприимный Тисульский район на какое-то время лучше забыть.

Субстанция быстро растворялась в жадных щупальцах, отдавая всю себя, без остатка, наполняя собою нерушимый тандем. Трещины посоха заполнялись видимой невооружённым глазом тьмой, по его поверхности и вокруг сучков клубился призрачно-чёрный туман, постоянно меняя направление движения на манер морских приливных волн, то набегающих на берег, то отступающих. Итак около получаса, пока сущность не стала частью симбиотической двойки.

– М-да, совсем молоденькая сила, – с лёгким разочарованием в голосе заключил старец (именно «старец» – с маленькой буквы и без прилагательной весомой добавки впереди «Белый»). – Но пусть хотя бы так для начала: по крайней мере, полтора года к бытию присоединила.

Внешне же ничего не изменилось с ними: простая на вид палка-трость и немолодой дед, разодетый по средневековому.

Волхв настолько торопился покинуть ставшим опасным место, что, не останавливаясь, подхватил старинную сумку, переместив оную за плечо и направил лапти в Мариинский (а, может, и Тяжинский – они граничат друг с другом) район. Не взирая на возможность быть обнаруженным за неблаговидным делом членами Совета, он улыбался во весь рот в великом довольстве: теперь-то Волхв знает, как находить источники силы – хотя бы те, что не имеют разума.

Древесная оболочка, лишившись в один момент хозяйна, подверглась ускоренному течению времени: она осела на мёртвую землю немного влажной трухой. Стукнувшись всем тельцем легонько о хвойную подстилку, белка пришла в себя, пьяной походкой направилась восвояси – слава Матери-Природе, безмозглая тварь успела лишь усыпить зверька.

В быту время продолжало неумолимо бежать – быстро, конечно, но не так, как в случае с описанным пнём. Последующие два с половиной года пролетели незаметно не только для простых людей. Их не заметил и Весимир: его ни разу

не потревожили представители Западно-Сибирского отделения бережливых, однако и запал поисковой шибко поистратился. После первой, Тисульской, находки за текущий период старец нашёл ещё два источника. Оные заметно старше, а, значит, могущественнее. Но этого катастрофически мало для осуществления мести! Для её реализации необходимы не только неразумные существа – они хороши продлевать жизнь и немного освежать организм. Чтобы уничтожить Белых Старцев, нужны как могущественнее источники – те, что за века и тысячелетия эволюционировали в разумных сильных тварей!

Впрочем, за десятки лет, отданные Западно-Сибирскому отделению и бережливости Томской области, дед почти разучился отчаиваться и впадать в безжизненную апатию. Таким в Совете не место, он не терпит в своём составе слабодушных...

Последнюю декаду ноябрь капризничал, аки маленький ребёнок: осень уже прошла, а зимане торопилась в полном объёме принимать бразды правления. Облетели все листья, отшумели дожди, землю припорошило тонким слоем снега и до полноценных сугробов он никак не дотягивал. К тому же температура воздуха не опускалась ниже минус восьми-десяти градусов по Цельсию – и то ночью, днём же вплоть до нуля. Стальные небеса уже который день грозились разродиться серьёзным снегопадом, но всё чего-то им не хватало – самое большее на три-пять минут изредка сыпали суетливые

некрупные снежинки, для наращивания снежного покрова не играющие, ровным счётом, никакой роли.

Одним из немногих, кто радовался сырому холоду и ничуть не боялся его в Яшкинском районе, что на севере Кузбасса, являлся Весимир. Нынешняя погода почти полностью отображала его внутреннее, душевное состояние, вызванное длительными неудачами. Сырой морозец досаждал кому угодно, только не ему (непокрытая седая голова, на шее лёгкий символический льняной шарф, овчинный полушубок выше колен расстегнут на груди, под ним лишь уже знакомая длиннополая льняная рубашка, на тощих ногах простецкие тонкие штаны, на стопах мягкие удобные ичиги). Появляясь периодически на люди, дед не стеснялся, мягко говоря, странной внешности.

Он присел на обнажённый, проглядывающий из почвы, скальный валун с промёрзшим на нём молодилом, не боясь простудиться от переохлаждения. Волхвам практически неведомы человеческие болезни. Находясь между посёлком с любопытным названием – Юрты Константиновны – и правым берегом главной региональной реки, старец с упоением вдыхал влажный воздух, приносимый озорным ветерком с водной поверхности Томи.

С прищуром мельком глянув на тяжёлые свинцовые тучи, Весимир полез в заплечную сумку, дабы достать оттуда ржаные сухари, варёные куриные яйца и порезанный на дольки лук, как со стороны недалёкого леса, за скальным усту-

пом, по спине мазнул чей-то настороженный взгляд. Мазнул – и пропал. Чёрный Волхв, как был, замер на месте, стараясь уловить чётче, аки приёмная антенна сей взгляд и, желательно, распознать намерения относительно его персоны. Ему казалось, что он принадлежал не человеку, по крайней мере, простому человеку.

Слишком долго ничего не происходило, потому продолжил начатое – достал еду и без разогрева пообедал, прихлебнул из термоса травяной чай. Подхватив Ратибора и поднявшись по-молодецки на ноги, вновь по спине скользнул чужой взгляд, задержав внимание ровно на столько, дабы определить направление. Развернувшись, Весимир целенаправленно устремился в тайгу быстрым размеренным шагом, не боясь упустить нечто.

Раздвинув очередные еловые и пихтовые лапы, тайга раздвинулась, встав вокруг ещё одного, более обширного, скального выступа из ломкого минерала. А посреди оного – чего-то почерневший ветхий каменный колодец без коловорота, цепи и ведра. И никого! А интуиция настойчиво шептала, что взгляды бросали отсюда.

Совершенно ничего не понимая, испытывая зуд промеж лопаток, внимательно слушая внутренний голос и сигнализирующие о чём-то тихонько инстинкты самосохранения, бывший Хранитель без спешки отправился к странному, как будто бы покрытому чёрной плесенью, колодцу. Не было рядом и полунамёка на истлевшее до основания жильё али ино-

го рода постройки – да спрятанный в тайге! Он, что ли, два раза смотрел в спину? Как казалось, построен нечеловеческими руками либо не для людей и явно не утоления жажды случайными путниками. К тому же камень под ногами не просто мертвенно холоден, коий проникал даже через обработанную кожу ичиг, – он мёртв во всех смыслах! На нём отсутствовали какие-либо признаки жизни: на уступе, на коем обедал, «дремали» и заячья капуста, и мхи, и плесень, и в трещинках былинки да кустики – а тут ни-че-го живого!

Вначале Весимир насторожился, даже малость испугался неизвестности, но по мере приближения, эмоции радикально менялись до восторга и ликования, напрочь заглушив тревожные звоночки: «не приближайся, убегай, покуда не поздно, не подвергай жизнь *смертельной* опасности!» Нет, не послушал дед – в кои-то веки! – внутренний голос, очень часто спасавший в разных жизненных ситуациях.

«Неужели «колодец силы»?» – ускоряя шаг теперь до вожаемой цели, кричал мысленно старец, всё же тщательно стараясь не беспокоить понапрасну эфир. – «Ежели так, то месь свершится скоро! «Потерпите» совсем чуть-чуть, «дорогие» мои Белые Старцы! Я приду за вами в ближайшем будущем!»

Так, разговаривая сам с собою, Весимир остановился в полшаге от заветного источника силы, на всякий случай продиагностировав черноту на поверхности дряхлого колодца предельно осторожным прикосновением Ратибора. При бли-

жайшем рассмотрении она в действительности оказалась плесенью: она не только не промёрзла (для освежения памяти – ночью до минус десяти, хотя, возможно, в близости от непокрытой льдом Томи малость потеплее), а вполне комфортно *жила* и здравствовала, не страшась, похоже, морозов совсем!

Посох относительно быстро определил наиболее важные для хозяина параметры: плесень развивается даже зимой, выделяет тепло, заметное даже на ощупь кистью без рукавицы и, не смотря на угрожающий внешний вид, опасности для него не представляет, то есть её токсины опасны разве что для чахоточных младенцев. Больших сведений пока и не требовалось.

Сплошь заросшая той же плесенью крышка оказалась неподъёмной и скользкой из-за примитивной растительности. Начав очистку от микроскопической мерзости импровизированным каменным скребком, посох тут же просигнализировал опасность задохнуться от спор, кои грибок принялся выбрасывать в воздух. В подобном количестве могут заблокировать дыхательные пути и велика вероятность отправиться к прародичам медленно и мучительно.

Отодвинувшись на пару шагов, дабы и впрямь не надышаться опасной защитной дряни, Волхв ненадолго призадумался. Судя по нестандартной оболочке, внутри уже не безмозглая эфирная субстанция, питающаяся, чем Мать-Природа пошлёт, а вполне осознанное древнее разумное биоло-

гическое существо, накопившее за многие и многие десятки веков уму непостижимое количество могуты. Древесная или болотная оболочка меняется вместе с хозяином, превращаясь постепенно в броню качественнее сейфовой. Пожалуй, один вопрос подспудно не давал покоя: для чего столь мощному источнику нужна съёмная крышка, пусть и неподъёмная для людских сил? В неиссякаемом стремлении к мести Весимир отмахнулся от здоровой мысли, как от назойливого овода или бзыка. Мало ли что придумало древнее существо?

– Ратиборушко, родной, в очередной раз не обойтись без твоей помощи, – вдохновенно проговорил вслух старец, поднимая посох выше заплесневевшей крышки, параллельно земле, аки какое огнестрельное оружие.

Из наверхия выстрелили три знакомых щупальца с острыми хватательными крючочками на концах, естественно, невидимые человеческому глазу. Они мёртвой хваткой зацепились за эфирное тело выше упомянутого люка и с титаническим напряжением потянули на себя. Весимир помогал вливанием собственных сил и вдвоём, с величайшим трудом, подвинули сие тело на половину окружности колодца. Пока следом двигалась с глухим лязгом реальная крышка, Волхв тыльной стороной ладони вытер испарину со лба и обошёл оболочку (придвинули-то её на себя), заглянул за открывшийся край с осторожностью. Ожидаемо темно, как в подвале, сыро (при том ни капельки воды на всю глубину), затхло и запах разнообразной тухлятины. А где прячет-

ся долгожданное существо?

Продолжая удерживать Ратибора в боевой позиции, заглянул в глубину «третьим глазом». Хм – почти ничего не изменилось. Тьма отказалась пропускать дерзкого в свои тайны. Старец внимательно прислушался и понял, что наступила невозможная в тайге – в том числе зимой – тишина. Неужто открытие источника повлияло на звуки леса? Даже ветки перестали скрипеть и приятный влажный ветерок-озорник куда-то запрятался! Что ж это за сила такая? Или настолько чужда нашему миру?

Ещё раз заглянув в колодец за край кладки, Весимир отчётливо вдруг осознал – он открыл пресловутый ящик Пандоры. Вот только убежать и спрятаться катастрофически не успевал. Незнаемая сила, быстро перебирая со стуком когтями по внутренней стенке, , выползло на поверхность, выползло на поверхность, являя свою чудовищность на свет божий.

Эфирные щупальца хищно устремились к черепу смолянисто-чёрной твари с намерением высосать её до доньшка – да не тут-то было. Она взмахнула кошмарными когтями верхней конечности вроде бы небрежно и посох невольно выдернулся из левой кисти хозяина, отлетев аж к кромке скального выступа (!), с глухим стуком шмякнувшись на мёртвый камень. Щупальца беспомощно шевелились, словно придавленные за хвосты змеи, не в состоянии самостоятельно подтолкнуть себя к родному человеку, остро нужда-

ощемуся в его помощи. А он подвёл!

Длинные изогнутые когти левой лапы, проткнув насквозь, удерживали за плечо старца, свободными конечностями помог вылезти себе из колодца. Томич ростом был под два метра, но *ему* всё равно пришлось наклонять череп, дабы заглянуть в блёклые синие глаза, выражающие мучительную боль от кровоточащих ран. В глубоких глазницах по спирали кружилась бесконечная озлобленная тьма с редкими вспышками тёмно-зелёных и багровых точек, пропадающих во тьме и вновь рождающихся из неё. Из лба, над переносицей, торчал натуральный рог, немного изгибающийся кверху. Челюсти, могущие запросто поспорить с акульими, из-за слишком большого количества клыков разной длины и кривизны, никогда не смыкались до конца. Когда же *оно* раскрыло их на примерно сто шестьдесят градусов, из горла полезло щупальце, внушившее деду ещё больший ужас. Он даже отчасти забыл про боль и горячую кровь из плеча, не в силах оторвать взгляд от «языка» – и было отчего: он узкий, с зазубринами по бокам, на его кончике тонкое жало, по сторонам которого заметил пять хватательных шипов, не позволяющих гипотетической жертве выскользнуть из смертельного хвата.

Жажда жизни разыграла в душе старика – глупая и позорная смерть в пасти, скорее всего, древней твари ему не к лицу. Превозмогая боль и страх, сжав в кулак последние остатки воли, Волхв сообщил *ему* с неким подобием достоинства: – Я тебе не враг!

Кажется, что-то изменилось в невообразимых глубинах тьмы – ах да, исчезли редкие вспышки точек. И щупальце остановилось в неумолимом выталкивании из горла, уменьшился зёв пасти.

– Ты волхв? – задало *оно* вопрос – откуда задало вопрос? В такт словам не шевелились ни челюсти, ни «язык», полностью отсутствовало дыхание – чем говорит? И голос-то бесплотный, без оттенка эмоций, будто перед ним робот. А ежели так и есть? Ой, беда, беда! – Волхвы построили сей... могильник и заточили в него навеки.

Если разговаривает, есть шанс на выживание! Древнее существо – не современные хулиганы, насмотревшиеся бестолковых фильмов и роликов в интернете и возомнившие себя знатоками криминала. С тем, кого однозначно собираются убить, не станут тешить пустословием. Окончательно взяв волю в руки, дед осторожно проговорил:

– От тех волхвов почти наверняка даже сгнивших костей в земле не осталось.

В синих глазах заплясали мириады цветных звёздочек – тварь пошевелила когтями неуклюже, удерживающими за плечо. Едва не потеряв сознание от адской вспышки боли, похожей на взрыв солнца, через силу справился с наваливающейся от кровопотери слабостью, сжал волю ещё туже в кулак здоровой руки. Вероятно, *оно* либо задумалось над сказанным, либо шибко расстроилось – нужно достичь успеха всеми мыслимыми и немыслимыми способами.

В голос проникла дрожь, но, по счастью, чудовище сего не заметило или проигнорировало:

– Сейчас две тысячи двадцать третий год от Рождества Христова, – и мысленно ударил себя по лбу – а ежели *оно* не знает современного летоисчисления? Быстро поправил себя: – То есть, 7531-е лето от Сотворения Мира в Звёздном Храме.

Тварь ничего особенного не сделала – всего лишь разжала когти и замерла в великой задумчивости у внешнего края собственной могилы. Весимир завалился на спину со стоном, перешедшим в сиплый крик. Перед глазами очередная вспышка суперновой с воследовавшим звездопоясом. Ратибор потянулся к нему эфирными щупальцами, посылая ему множественные своеобразные сигналы, дабы хозяин заметил его сквозь пелену боли. Тварь отстранённо наблюдала за манипуляциями истекающего кровью, но всё же приходящего в себя человечка.

Поднявшись на пятую точку, стряхнув более или менее кровавую пелену на зрении, он прислонил ладонь к ране через полущубок, заставил закупориться кровь и теперь медленно затягивал пять сквозных (благо, кость не зацепило) ранок – по количеству когтей на одной кисти. И одновременно с трудом разглядывал высокую тварь, представляющую собой смоляно-чёрного скелета с практически истлевшей плотью. На пальцах ног также загнутые длинные когти-сабли, могущие использоваться и как альпинистские «кошки» для

лазанья по отвесным стенам скал. Тело накрывал того же цвета окольчуженный плащ, кольца брони коего напоминали внешне свинец – то, вероятно, обман зрения. Он целиком закрывал кости от основания шеи и на руках до чуть ниже локтей, а на ногах – до середины голени. Неужто и впрямь андроид от несоизмеримо древних пращуров нынешних славян сохранившийся? По крайней мере, названную дату в семь с половиной тысяч лет воспринял очень серьёзно. Для нынешних учёных фраза «лето от Сотворения Мира в Звёздном Храме» воспринимается как красивый миф и, естественно, не верят, что славяне появились много раньше седьмого-восьмого века нашей эры. А, может, упорно не желают верить.

– Кто – ты – такой? – Весимир не вдруг сообразил, что задал вопрос вслух – потому как *оно* охотно ответило, мгновенно выйдя из глубокой задумчивости:

– Чёрный Мертвец. Ты будешь обращаться ко мне Верховный Кошун.

«Будешь обращаться»? Значит, его оставляют в живых? Что, в таком случае, взамен? Не по доброте же душевной? Даже подталкивать Кошуна к нужным ответам не пришлось.

– Более семи с половиной тысяч летов назад – ежели ты действительно не обманул меня с датой, – две спирали тьмы проникли в тёмную душу Волхва, будто бы пожелав оную вытряхнуть из старческого тела. Тот клятвенно заверил, что не соврал, – похожие на тебя создали сию гробницу и зато-

чили в неё, запечатав доступ на свободу до окончания времён. Похоже, и впрямь от тех волхвов и кости давно истлели (при сиих словах старец невольно хмыкнул – получается каламбур, игра слов), а печать, хоть и ослабла, но по-прежнему держит меня крепко. Однако я чувствую неподалёку, как минимум, три достаточно могущественных места силы.

Старец усмехнулся и горько рассказал:

– Это «неподалёку» я облазил вдоль и поперёк, обходил тысячи вёрст дорог, истоптал не один десяток пар обуви, – а нашёл такую малость, о коей нет смысла упоминать!..

Раскрыв на сто шестьдесят градусов челюсти, Кошун издал звуки, схожие одновременно на дребезжание ржавого металла и карканье умирающего ворона. Это он так смеётся, что ли? Страшенная жуть – подобное приснится и проснёшься в ужасе, липкий от холодного пота. Отсмеявшись, вернул пасть в исходное положение.

– Ты искал и находил природные источники, те, что рождаются без посторонней помощи, селясь в естественные оболочки.

Бывший осторожной томских земель невольно вспомнил неразумные сущности в тех самых оболочках и стал догадываться, что сильно промахнулся в поисках. Верховный Кошун меж тем продолжал.

– Являясь тем, кем ты являешься и за тысячу летов не сыщешь драгоценные источники. Как я уже говорил, они в действительности не так уж и далёко: если позади меня большая

река (очевидно, Томь) протекает, то впереди первая после неё по величине.

– Яя! – шёпотом догадался дед, чуть не расплакавшись от обиды на свою бестолковость.

Кошун-таки услышал человека:

– Не ведаю ваших современных названий, однако три места силы покоятся на небольшом отрезке, вдоль обоих берегов реки.

Тварь замолчала внезапно, тьмой уставившись на некогда возомнившего себя равным богам. Весимир всеми фибрами души ощутил, что она ждёт ответ на незаданный вопрос, тем не менее тяжёлым молотом повисший в воздухе. Он вначале задумчиво глянул на верного безмолвного друга, к данному моменту спрятавшему эфирные щупальца, затем на Кошуна. Старец собрался с мыслями и уверенно заговорил:

– Тебе нужны все три источника в целости и сохранности для освобождения от оков, мне нужно место Верховного Хранителя!

Весимир подумал было, что слишком много просит, но, как выяснилось, сильно продешевил.

– Я не ведаю возможностей ни Верховного Хранителя, ни низшего, но я дам тебе гораздо больше в случае полной успешности мероприятия: ты станешь первым после меня.

Синие глаза загорелись в отчаянной надежде – и потухли. Что стоит слово ожившего в натуральную величину мифа? Чем и как проверить правдивость? Вот именно – ничем и

никак! О древних чудищах неизвестно ничего, кроме увлекательных сказок и мифов.

Учуяла тварь неуверенность человечка, его недоверие, потому зашла с другой стороны:

– Я не знаю о новом для меня мире ничего, но, похоже, правда, слово чести, обязательства в нём не в почёте. В моё же время, ежели ты что-то пообещал – сдохни, но выполни, даже если пообещал заклятому врагу али юродивому... Мне нет смысла тебя обманывать – ежели принесёшь три источника жизни.

Не мог Волхв уверовать в подлинную искренность древнего Мертвеца. Там, где тотальная правда, там рассвет культуры цивилизации – пообещали две условные империи другу другу вечный мир и дружбу, и даже через тысячи лет продолжают жить в мире и согласии. Преемственность поколений не в состоянии аннулировать данные праотцами обещания. А где те цивилизации, в наше время, превратившиеся в красивые сказочки и небылицы?! И что делать? Без Кошчуна так и помрёт где-нибудь в пути, в поисках несбыточного счастья. К сожалению, век природных источников короток. С ним забрезжил хотя бы призрак надежды на будущность: Белые Старцы живут значительно дольше обычных пенсионеров, практически не зная маразма и старческой немощи, но до бессмертия им дальше, чем пешком до Луны.

Уже без глупых пустых сомнений спросил:

– Что нужно сделать сейчас?

Разжав кошмарные челюсти, Чёрный Мертвец ржаво заркаркал умирающим вороном. Весимр мысленно поморщился от режущего слух дурацкого смеха, могущего означать что угодно. В конкретном случае, кажется, одобрение слов, точнее, правильности вопроса, заданного оппонентом.

– Заключить между нами Договор! – оборвал сам себя резко Кошун. К неживому механическому голосу Волхв, вроде бы, немного привык.

– Как договор выглядит? – спокойно, без излишней нервозности – для чего злить древнего скелета? – задал он уточняющий вопрос, на всякий случай ожидая *очень* неприятного подвоха. Что ещё-то ждать от мёртвой твари, чего бы та не заверяла?

Две спирали тьмы внимательно и изучающее воззрились на человека. Подвох не заставил себя долго ждать:

– Кровавый Договор. Я расскажу, что это такое, после чего у тебя будет последний шанс вернуться к прежнему жалкому влачению существования, кое можно потратить на поиски своей скорой смерти, – и как это понимать? – Договор заключается на крови (при сём слове дед удивлённо поднял левую бровь) двух сторон. После сего ты уже никогда не будешь прежним человеком, поскольку кровь обретёт силу Чёрной Лихомани. Ты забудешь про человеческие хвори, немочь старости, слабости и недостатки людского тела.

Весимир жадно внимал каждому слову, замер в ожидании речи, звучащей, как музыка для души.

Впрочем, Кошун почти закончил:

– Об остальных возможностях и недостатках ты сможешь узнать практическим путём, если...

– ... Заклучу Кровавый Договор. Я свой выбор сделал, – договорил старец, медленно поднимаясь на ноги.

Опять это подобие смеха – хорошо недолго, от него с ума сойти можно.

– Подойди ко мне с обеими раскрытыми ладонями! – в голосе прозвучал на сей раз не ржавый металл.

Волхв глянул в сторону Ратибора, обуреваемый сомнениями – тот должен быть таким же, как он сам. Сей взгляд – и душевное смятение – не остался без внимания Мертвеца. Он в нетерпении выдвинул кверху коготь-саблю указательного пальца правой руки:

– С посохом позже. После преобразований ты без труда сделаешь оный продолжением себя!

Преобразований? Каких таких преобразований? Чтобы не передумать, он заставил себя сделать несколько шагов с заранее вытянутыми ладонями, морщась от боли в неполноценно заживлённых ранах. На тот момент он и не подозревал, что та боль смехотворна в сравнении с надвигающейся.

Верховный Кошун одним стремительно неуловимым движением оттопыренного когтя полоснул по обеим ладоням разом, поперёк их. Весимир вздрогнул от неожиданности и новой волны боли – разрезанные до кости раны обильно закровили. Он хотел отдёрнуть руки, однако не успел: тварь

обхватила оные своими, сделав ещё большее, потом, через несколько секунд, отбросила, как что-то ненужное, с интересом воззрившись на слабого человечка.

Процесс заражения запущен.

Волхв бездумно попятился назад, с криком нестерпимой боли и диким ужасом в потемневших глазах, разглядывая порезы. Оные быстро затягивала ядовитая чёрная плесень, попавшая, так сказать, в благодатную почву, сильно похожая на облепившую колодец и крышку. Не взирая на геенну огненную, старец не уходил за грань себя, он чётко соображал, видел и чувствовал внешние и внутренние изменения, спасительное беспамятство не желало окутать мраком мозг. Он проклинал себя за чрезмерные, раздутые до уродства, властолюбие, амбиции и слабодушие, за кои, собственно, и попёрли с треском с тайного отделения.

А меж тем смертоносная дрянь, как ни парадоксально прозвучит, остановила целиком кровотечение, хирургически выверено срастила вместе края ран, не оставив на коже даже рубцов. Споры непринуждённо растекались по токам вен и артерий, прорастали быстро в капиллярах и кровяных тельцах, увеличивались в размерах, становясь взрослым симбионтом активного вируса и микроскопического грибка, называемого людьми плесенью. Они вклинились в клетки хромосом, стали неотъемлемой частью стройной структуры ДНК, произвели необратимые изменения в геноме хозяина. Некогда блёкло-синие глаза налились шевелящимся

мраком, похожим на тот, что крутится в глазницах могущественного скелета, токмо без вспышек светящихся точек. А ещё клубится.

Орал он долго и знатно, но за пределами скального выступа его не слышали даже чуткие звери, так что получилось соло для Верховного Кошуна и Ратибора. За пять минут боль сошла на нет, потому Весимир прислушался к кардинальным изменениям более осознанно. Проколы от когтей также зажили, усталость и малейшие недомогания растворились в сухом холодном воздухе, тело наполнено неиссякаемыми потоками жизненной силы. Хоть внешне несильно изменился, внутренне же ощущал себя молодцем, готовым свернуть горы! Выходит, сия мерзость – не убийца жизни, а панацея от всех известных недугов?! Мысли о слабодушии и недавние проклятия в свой адрес незаметно подвинулись на задворки воспоминаний.

– Иди! Время не ждёт! – жёстко приказал Чёрный Мертвец. Теперь по всем показателям Чёрный Волхв вопросительно глянул на скелета. – Тебе ещё нужно найти сии источники и в целости доставить в мои руки. Кстати – я знаю, что в твоём мире существуют примитивные, в зачаточном состоянии, технологии. Для доставки оные не годятся, к несчастью, хотя время сэкономил бы добро. Иди!

Так и не узнав, почему автотранспорт не пригоден для ускорения, Весимир подобрал заплечную сумку, в коей достаточно провизии – вряд ли Лихомань, она же чёрная пле-

сень в симбиозе с вирусом, избавила его от необходимости питаться, как и всю прошлую жизнь. Он подошёл к посоху, с любовью и трепетом, нагнувшись без привычных ломоты и дискомфорта в нижней части спины и пояснице, подобрал его, не останавливаясь ни на удар омолодевшего сердца. Тело откликается и слушается просто с невероятной лёгкостью и непринуждённостью! Даже хочется воскликнуть по-аглицки – «вау»!

Для того, чтобы стать частью обновлённой версии хозяина, Ратибору эфирные щупальца с крючочками не потребовались – достаточно того, что держать в руках. И, в отличие от Весимира недавно, Лихомань не причинила боль ему, поскольку деревяшка, какой бы расчудесной не была, не способна её испытывать. Все трещины и сколы заполнились тьмой, поверхность потемнела и стала похожа сильно на трухлявую палку, которая вот-вот рассыпется от человеческих прикосновений. Но то лишь визуальный эффект: на самом же деле «трухлявую палку» не смогут раскрошить прямым перекатом гусеницы тяжёлого бульдозера со всеми обвесами (навроде ковша, плуга и так далее). В результате воздействия тьмы сила тандема возросла более, чем в десять раз, запас прочности и того больше.

Итак, направление выдано ранее, надо его строго придерживаться и при этом желательно пока не попадать в поле внимания Хранителей. Пусть ориентир «оба берега реки Яя» размыт, всё же во сто крат лучше, чем «пойди туда – не знаю

куда, найди то – не знаю что», как в старых добрых сказках.
А время на поиски сильно ограничено!

Глава 1. Важное знакомство

Время уже за пять часов дня, а папа до сих пор не приехал за дочерью. Лада не хотела понапрасну тревожить названиваниями его. Скорее всего, случилось нечто непредвиденное и папа попросту, в попыхах, забыл ей набрать и предупредить об этом, потому беспокоиться о чём-либо нет необходимости – подобное случалось не раз, не два и даже не три. Благо на правобережном пляжу реки Яя, протекающий через одноимённый посёлок городского типа, было малоллюдно и никто не пытался с ней познакомиться. Она любовалась мерным течением величественной, в масштабах её мировоззрения, реки и одновременно витала в своих мыслях. Однако всё происходящее вокруг воспринимала отчётливо, как если бы находилась в тайге, рядом с родной Николаевкой (откуда, собственно, и должен приехать отец). Мысли были в основном приятные, но чаще и чаще возвращались к неприезду бабки. Может, машина подвела? С самой надёжной техникой такое бывает.

Не в силах более терпеть неопределённость, дабы развеять невольню просачивающиеся извне в сознание дурные сомнения, девушка вынула телефон с... *кнопками* (!) вместо сенсорного дисплея, поспешно нажала цифру «1», убедилась, что звонок по адресу пошёл и поднесла к уху. В итоге, гуд-

ки есть – ответа нет. Засунув, не глядя, обратно допотопный мобильник, на личике с редкими конопушками поселились лёгкая грусть и пока ма-аленькая тревога. Впрочем, люди, не знающие её, не узрели бы перемены настроения – разве что профессиональный психолог (профессиональный али из жизненных обстоятельств – непринципиально), ориентированный на мимику.

Настрой несколько приподнялся в надежде, когда через пару минут трубка сама запиликала. Снова вынула из сумочки, глянула на цветной экранчик, удивлённо прочла в верхней его части: «Бабушка». Приняла вызов с беспокойством в голосе:

– Что-то случилось, бабуль?

На том конце весьма эмоционально и быстро ответили:

– Нет-нет, Ладушка, ничего серьёзного! Машинка целая, просто Марта чем-то траванулась, вот и привёз ветеринарку нашу. Подожди ещё немножечко, внученька, и Матюша приедет за тобой, – не дождавшись ответа, бабушка оборвала сеанс связи.

Лада ещё больше удивилась – корова так рано дома? Ведь скотинку николаевцы принимают из рук пастуха только к семи вечера!.. Но от сердца отлегло – ничего необратимого не случилось и сей момент не может не радовать. В конце концов, почти лето, а не зябкая зима! Правда, за плечи себя обхватила, поскольку на берегу вечером довольно зябко. Она с превеликим облегчением улыбнулась реке, берущей своё на-

чало в отрогах Кузнецкого Алатау. Теперь можно хоть сколько ждать.

Любуясь Яей, девушка услышала позади приближающийся звук, напоминающий звук двигателя «нивы-легенд» её отца. Правда, тональность отлична. Мельком обернулась – старенькая и ухоженная, в двух оттенках серого, «шевроле-нива», точнее, ноне «лада-нива». Рассматривать владельца постеснялась, однако в третий раз удивилась за короткий отрезок времени: разве можно парковаться в сей части пляжа, где жарким летом люди активно отдыхают и загорают в купальных нарядах? То, что сейчас не сезон, не освобождает от ответственности. Остальные-то оставили машины *рядом* с пляжем, независимо от крутости оной.

Заслышав звонкий жизнерадостный лай, она сразу же забыла о внутреннем возмущении: владелец весёлого пса смело подошёл к ней, встал по правую руку от неё и с ходу, как говорится, взял быка за рога:

– Меня зовут Коля, моего беспринципного друга – Дружок, – его улыбка подействовала на девушку обезоруживающе.

– Лада, – еле слышно, смущённо, зардевшись, ответствовала она.

Довольно высокий молодой человек атлетического телосложения с «ёжиком» густых темнящих русых волос, добрые серо-зелёные глаза излучали благопожелание и всеобъемлющую понятливость. На первый взгляд не дашь больше

двадцати шести-восемью лет, хотя могла и ошибиться. Вот в чём её женская интуиция не ошибалась, так это в том, что Николай в данный момент не кривляется, ведёт себя естественным образом, а сие дорогого стоит для девушки, ненавидящей ложь и лицемерие – своего рода, аллергия проявлялась на эти качества в людях. И к тому же молодой мужчина весьма привлекателен внешне.

Вокруг них нарезал ломанные круги энергичный хаски: он то к Яе подбежит, облеет громко подводных обитателей, то вприпрыжку, счастливый как никто, «окольцует» их траекторией движения, то сядет рядом с хозяином и, задрав высоко голову, начинал требовательно лаять. Затем маршрут и действия, с небольшими вариациями, повторялись неоднократно. Щёки Лады открыто полыхали – от осознания того, что пытается сказать Дружок, а Коля взирал на четвероногого друга с нескрываемыми любопытством и удивлением. Судя по всему, такого поведения от голубоглазого пса он никак не ожидал.

А когда хаски плюхнулся на зад перед девушкой, высунул в громком дыхании длинный язык, оскалил пасть в дружеской «улыбке» и занял выжидательную позицию, Николай и вовсе опешил от подобного нахальства:

– Дружок, ты что творишь?! – тот коротко твякнул на него, не прекращая своего дела.

Однако Лада не только не оробела от собачьего поведения – ещё и осмелилась опуститься на корточки и ласково

гладить тут же завилявшего хвостом отзывчивого пса. Коля дёрнулся было в порыве что-то сделать или сказать, да так и замер на месте беспомощно и не понимая, что же происходит – от слова «совсем».

Вначале Дружок приветливо, будто простая дворняжка, подметал хвостом песок под ним, потом и вовсе перевернулся на спину и преданно елозить на ней, немислимо изгибаясь от тотального счастья и довольства жизнью.

– Как это понимать, Дружок? – похоже, начал приходить в себя молодой человек, запутавшийся в собственных догадках.

Продолжая непринуждённо гладить пса и повернув лицо к нему, девушка легонько улыбнулась:

– Не вини своего пёсика в его поведении. Все звери ко мне тянутся, даже самые агрессивные, злобные и нелюди-мые. Меня не воспринимают врагом и дикие звери.

Что-то в тёплом голосе милой девушки успокоило его:

– Глядя на пса, охотно верю.

Услышав о себе, сделав вид, что что-то подозрительное увидел, Дружок резко сорвался с места в сторону реки, активно затавкая на прибрежных мальков.

– Никогда он к себе чужих не подпускал, – заявил Николай, впрочем, не обижаясь на сие обстоятельство и помогая симпатичной девушке подняться на ноги с кортов. – Помимо меня, Дружок не трогает родных тётю с дядей и иногда позволяет погладить себя детям. А когда увидел, как преданно

перед тобой стелется, словно признал давнего, горячо любимого, друга, мягко говоря, был поражён.

Лада застенчиво улыбнулась, чем невольно зацепила сердце закоренелого одиночки, не верящего в искренние чувства между женщиной и мужчиной. У него нет ненависти или презрения к женскому полу, однако расставаться с удобной холостяцкой жизнью ради кого бы то ни было не намеревался в обозримом будущем. Потому и выбирал периодически, с утилитарными целями, женщин с похожими взглядами. Ни тебе намёков на свадьбу или детей совместных, ни обид, ни обязательств, ни скандалов. Грубо говоря: мавр сделал своё дело, мавр может уходить.

Разговор между молодыми людьми протекал легко и непринуждённо. Так получилось, что гиперактивный и слишком умный хаски сумел возвести пока хрупкий мост друг к другу. Правда, сии намерения поняла лишь Лада, отлично разбирающаяся в мотивах поведения разных животных.

Не взирая на очарованность необычайностью девушки, Николай не мог не заметить, что она иногда смотрит на экран доисторического кнопочного телефона! Поглядывает на время в ожидании кого-то? Не выдержав неопределённости, Коля отважился спросить:

– Кто-то забыл за тобой приехать?

Личико с конопушками тут же опечалилось, а в голосе прозвучало нескрываемое беспокойство:

– Папа. Но так не кстати траванулась Марта... Корова наша.

Николай невольно с облегчением выдохнул. Вероятнее всего, первое мнение о ней достоверно – в сердце нет никого, уж слишком она правильная для нынешних разгильдяев. Оным нужно всё и сразу: секс на первое свидание, в крайнем случае второе, чтобы содержала себя сама, тоже работала, даже если страстно желает заниматься семьёй. Коля всегда держал свои мнения при себе и никого к ним не принуждал. В данном случае искренне считал, что в семье, раз уж дошло до неё дело, обязан зарабатывать мужчина, как то испокон веков ведётся на Руси.

«Ежели б я был женат на Ладе, уж точно бы не принуждал сию красавицу работать, как бы плохо мне ни было. Лада создана – на девяносто девять и девяносто девять сотых уверен! – для ладной семьи, а не для обслуживания мужских потребностей!»

– Если позволишь, охотно подвезу тебя до дому, – и, видя сомнения, отчётливо отобразившиеся в лучезарных очах, представил ещё несколько аргументов: – Во-первых, я люблю путешествовать по нашему району – да и за пределами бываю не столь уж редко. Во-вторых, мне кажется, ты не с пэгэтэшки, иначе давно бы села в автобус. И, в-третьих, завидев тебя дома целой и невредимой, у родных от сердца отляжет.

Девушка благодарно улыбнулась ему, хоть и было неудоб-

но принимать помощь от мало знакомого мужчины. Однако ни разу не подводившая интуиция говорила, что Коля предельно честен с ней и для её чести не опасен, поэтому вложила вспотевшую от волнения ладошку в предложенную могучую руку. Николай деликатно усадил пассажирку в переднее кресло. И прежде, чем закрыл дверцу с открытым наполовину окошком, на её колени запрыгнул безапелляционно позабытый Дружок, смахнув с лап на ткань платья часть песка, умудрившись не причинить ей боли, по-хозяйски разлёгся, как так и надо. Лада погладила пса между ушей и с успокаивающей улыбкой опередила возмущения молодого человека:

– Я, видимо, заняла его место? – Коля положительно кивнул. – Поэтому вполне справедливо с его стороны. Я в этом всецело уверена.

Хаски повернул голову к хозяину, звонко тьякнул: мол, слушай свою подругу.

Менее, чем через полчаса «лада-нива» покидала гостеприимный посёлок через переулочек Строителей, направляясь к небольшой деревне с названием, созвучным имени водителя. К этому моменту Дружок намаялся так, что уснул на коленях беззастенчиво.

Узрев знакомую дорогу (дорогой её можно назвать с большой натяжкой), девушка заметно расслабилась, у неё появилось желание продолжить общение с очень приятным мужчиной, посему первой задала вопрос:

– Коля, можно задам тебе нескромный вопрос? – и с на-

деждой глянула ему в профиль.

Он приятно же улыбнулся и, не отвлекаясь от езды, утвердительно мотнул гладко выбритым подбородком.

– Не стесняйся, Лада, задавать любые вопросы.

– Ты весьма привлекателен, думается мне, для подавляющего большинства девушек, отлично сложен, не имеешь пагубных привычек, наверное, не зануда на фоне правильности жизни. Почему тогда одинок?

На сей раз улыбка вышла грустной, отчего николаевчанка пожалела об опрометчивом вопросе.

– А ты почему? На мой взгляд, природа, работая над твоей внешностью, щедро одарила внешними данными и здоровьем. Да и по разговорам на пляже понял, что глубоко не дурная взбалмошная девка, возомнившая себя королевой или даже богиней, – он бросил на неё задумчиво-вопросительный короткий взгляд. – Хотя насчёт богини...

Несмотря на явную неуклюжесть, комплименты девушке пришлись по душе – не так часто слышит оные от посторонних. На сей раз немного покраснела и с лёгкостью ответила на вопрос.

– Ты первый, кого привлекает не только моя фигура. Обычно, круглое лицо, конопушки на нём, так сказать, ведьмин цвет глаз и жизненные принципы надёжно отталкивают охотников до халявы и безобязательных отношений, – она с вызовом воззрилась на водителя, похоже, вспомнив какие-то неприятные ситуации из прошлого.

– Дураки, – убеждённо сказал Николай, по-прежнему, почти не отвлекаясь визуально от просёлочной дороги. – Дураки все те, кто не видят твоей истинной красоты! А если и впрямь ведьма, так ещё лучше: ведьма, в значениях древних славян, это буквально «Ведающая Мать», то есть умудрённая опытом жизни женщина, к коей без страха за помощью обращались молоденькие девицы. А не злая, уродливая, вредная старуха.

Дальше Колю понесло: так и не понял, как доверил маленькой девушке самые сокровенные тайны, в кои посвящены только верный пёс и тётя с дядей.

– Я ведь сирота при живых... м-м... не так: существующих родителей. Будучи подростком, они решили, что я «лишний» рот в их семье. Проще говоря, мешал им опуститься на дно социальной жизни. До сих пор диву даюсь, как их организмы не отбросили копыта при подобном количестве употребления сивушного алкоголя и никотина. Родная сестра отца лишила моих биологических родителей, – последнее словосочетание Коля произнёс иронично, – всяческих прав на меня. Тётъ Галя и дядь Саша – сами бездетные – оформили на меня опеку, не дав и дня побывать в стенах распределительного центра. Именно они вложили в меня души, воспитали таким, какой я есть, любили – и любят до сих пор – как если бы в действительности родили и вырастили меня. Именно они доучили в школе, в которой сейчас преподаю детишкам трудовую дисциплину, физическую

культуру и начальную военную подготовку и патриотизм, дали образование в Кемеровском государственном университете. А пока очно учился, дядь Саша настоял, чтобы попутно освоил то боевое искусство, которое мне по душе.

А девушку, или спутницу жизни, не нашёл до сих пор, потому что не встретил ту самую, с которой без страха и сомнений соединил бы своё сердце. Ещё ни одна не заставила биться трепетно и учащённо его.

– Совсем, совсем? – недоверчиво переспросила девушка. – Так не бывает. Даже моё сердце один раз трепыхало – правда, ещё в школе.

– По крайней мере не помню таких моментов.

– А хочется – ежели по правде?

– Жениться-то? – уточнил Николай.

Лада неопределённо покачала головой.

Проехав мимо сельского кладбища, «нива» напрямик въехала на улицу Новую, центральную для Марьевки, в чьё сельское поселение входит и Николаевка. Впрочем, Марьевку проскочили довольно быстро.

– Для начала обрести ту самую, в унисон с коей будут стучаться сердца ваши?

– Ну-у... – похоже, вопрос застал Колю врасплох, он *не знал* ответа на столь простой вопрос.

– Может быть, я ошибаюсь – да и лезу не в своё дело – но в прошлом ты уже проходили мимо той самой девушки и из-за обид на родителей прошёл мимо, не заметив оной. По-

старайся всё же заметить *ту самую*, кою повстречаешь, думается мне, в недалёком будущем. Слушай своё сердце, а не глупый разум, коий может завести в чужие дебри.

Нечто похожее ему иногда говорит тётя Галя и Николай каждый раз думается на неё из-за этого. Обижаться же на Ладу – о, чудо! – и не помыслил. Не просто чудо, а диво дивное! Он с подозрением глянул на неё: уж не ведьма ли она в современном смысле слова? Не-ет – скорее, ангел во плоти. Заметив хвойно-зелёные глаза, внимательно изучающие его, искренне улыбнулся им.

– Ты права, – её же светлая улыбка заставила незаметно трепыхнуться тот самый орган.

Возле калитки отчего дома Лада не пожелала отпустить водителя восвояси, решительно повела в избу за руку. Прежде он строго-настрого приказал сидеть Дружку в машине, от случайного случая прикрыл боковые стёкла, оставив узкие щелки для дыхания, и с ключа заблокировал центральный замок.

Узрев в сенцах удивлённые лица родителей и бабушки, Лада вспомнила, что так и не удосужилась их предупредить о самостоятельном возвращении с Яи. Батька, похоже, уже собирался за ней, судя по ключам от автомобиля в правой руке.

– Ой, прости, пап, что не позвонила, – виновато понурила головушку девушка.

– Ничего страшного, Ладушка, ведь не произошло – все

живы и здоровы, – это красивым грудным голосом произнесла Людмила Игнатовна, с мудростью во взгляде рассматривая молодого человека, сильно смутившегося. – Представь нам молодого человека.

Никто ни на кого сердиться и не думал – добродушные серо-голубые глаза отца лукаво улыбались, пряча смех в лихие усы и густую бороду. Кристина Васильевна, бабушка, взирала на пару с любопытством и любовью. В общем, семья Лады Рыси покорила Княжинского с первых же минут встречи и знакомства.

Познакомившись, Коля суетливо засобирался домой, в пэгэтэ.

– Николай, – крепким баритоном заговорил Матвей Владимирович, открыто рассматривая оного. – Тебе у нас неуютно али жинка приревнует?

– Нет, – смутился он, затушевавшись.

– А, может, как у нас, полный двор нетерпеливой и голодной живности?

Кажется, Коля малость покраснел.

– Нет.

– И снова я не угадал. Тогда что мешает испить с нами ароматного чаю и отведать вкуснейшего вареньевого пирога?

Лада с надеждой заглядывала ему в глаза, так и не отпустив могучей руки, тем не менее, нежно сжимавшей её. Николай отчётливо осознал: отказать Рысям решительно невоз-

можно, в противном случае всерьёз и надолго обидятся коллективно. Не в его правилах обижать на пустом месте в действительности хороших людей. В том, что Рыси – хорошие люди – сомневаться не приходилось.

Зайдя с сенцов в просторную кухню, Людмила Игнатовна показала ему на простенький умывальник с водой и полотенцами рядом. Затем с почётом усадила за стол, рядом с дочерью. Старшие женщины без суеты хлопотали, расставляя на стол столовые принадлежности, наваристую уху из щучьих голов и хвостов, парящий травяной чай и высокий, одуряющее пахнувший, сдобный пирог с обилием малинового джема (как позже выяснилось, бабушка приготовила его, пока бацька, мамка и ветеринар спасали корову Марту от отравления) и кучу прочих деревенских продуктов, которые он в повседневной жизни из-за любви к ним вынужден покупать не так уж и дёшево. Хотя посёлок Яю трудно назвать городом, как Кемерово или Томск, где натуральные продукты и вовсе приобретают по сказочным ценам.

За приятными – чего греха таить? – разговорами Николай многое для себя выяснил о сей семье. Они стоят друг за друга горой, люди добрые, отзывчивые, неунывающие. У главы семейства юмор и манера общаться специфично грубоваты, но сию грубость умело и непринуждённо смягчала его жена. Вот уж мудрейшая женщина – Матвей Владимирович без ненужных криков и ссор, сам того не замечая, проникался её ненавязчивыми... рекомендациями. Она умело направляла

могучий поток в нужное русло: мало кто из женщин виртуозно владеет таким искусством, как жить с женщиной, имеющим тяжёлый характер, и сглаживать острые углы.

Так как никто из них не бухал и не злоупотреблял вонючие сигареты, домочадцы по-детски обрадовались, выгнав, что коренной яйчанин тоже равнодушен к распространённым по всему миру порокам.

Уже после того, как горячо попрощались, до Коли стало доходить: его проверяли, своего рода, на вшивость, то есть на профпригодность, как потенциального мужа невероятно одинокой дочери. А какой из всего сказанного сделали вывод, пока неясно. Наверное, время должно показать. Дружок серьёзно взирал на хозяина, громко вздохнул, когда тот глупо улыбнулся ему, положил голову на передние лапы.

– Провели, как глупого мальчишку! – беззлобно хохотнул Николай, уверенно ведя машину в потёмках. – Это ж надо – попался, как глупая рыбка, на такую простую незатейливую наживку!

Но Коля и помыслить забыл обидеться на Рысей. Родителей и бабушку Кристину можно понять: старший благополучно женат на анжерской девушке, средняя дочь удачно замужем за кемеровчанином. Осталась в девках младшенькая. Зная теперь её духовный строгий уклад и какие нынешние парни, можно смело заявить, что нескоро она станет счастливой женой и матерью. Чтобы терпеть – или лучше смягчать – Ладушкины странности и заскоки, нужно иметь муд-

рость Людмилы Игнатовны или Кристины Васильевны. «Эх, Ладулечка, я готов быть твоим лучшим другом, но к семейной жизни... Боюсь я её, как чёрт ладана!»

В родительском доме Ладе принадлежала целая комната, кою когда-то – наверно, в прошлой жизни – делила с сестрой Оксаной. В те далёкие времена они спали на разных кроватях, а теперь стояла одна полуторка, у зашторенного окна с до сих пор деревянной двойной рамой. На сей кровати, давно-давно, в далёком-предалёком детстве, проводил ночи её батя, а нонче – дочь.

Одетая в льняную ночную рубашку, естественно, с распущенными густыми волосами, Лада в задумчивости возлежала на правом боку, с откинутым стареньким, но слишком удобным, дабы менять на современное, одеялом. Она с измальства не любила особо укрываться, поскольку кровь настолько горячая, что и без всяких укрываний грела не хуже. Даже зимой нечасто укутывалась. У неё и мама такая же.

В сей избе ложились довольно рано – в двадцать один ноль ноль, плюс-минус полчаса, оттого электрический свет нигде не горел. Родители уж точно разглядывают сновидения, бабушка ушла сразу после отъезда Коли, – и лишь ей не спалось, сон упорно не желал укутывать её мягкой пуховой периной. Лада вспоминала – как бы вновь проживала – часы, проведённые в обществе нового знакомца. За короткие часы этот высокий мужчина атлетического телосложения успел запасть ей в душу и занять обстоятельно мысли. Что Нико-

лай для этого сделал? Ровным счётом, никаких преднамеренных. Попросту был самим собой, натуральным, не стараясь казаться лучше того, кем является. То же заметили мама с папой. А батька отметил с искренним почтением, что собственные руки не маленькие и не изнеженные, но Колины заметно больше и рукопожатие настоящее, богатырское! И как бы между прочим: любая девонька была бы за его спиной, как за каменной стеной. Лада оценила присущие ему плюсы по достоинству, а собственное тело реагировало на него странно и непривычно.

Глава 2. Лада и рысь

Мысли о Коле долго не уходили из головы, они откровенно мешали заснуть и обрести привычное душевное равновесие. Подобное с ней уже случалось, как говорилось выше, раз, однако ж не с первого свидания! Да и так не бывает! Что происходит с Ладушкой? Почему стремительно теряется покой? Откуда усиливающееся смятение? Почему серо-синие глаза даже сейчас заставляют чаще биться глупенькое сердечко?

Помнится, мамуля рассказывала, что она сама в девичестве была гордой неприступной красавицей. Об её кремень сломали зубы великое множество парнишек. А Матюша покорила её грубоватой неуклюжей напористостью и упёртой неотступностью. Отец не сдавался и не умел этого делать, потому через четыре месяца непоколебимая крепость начала сдаваться. После знакового момента Матвею потребовалось ещё полгода осады, прежде чем над крепостными стенами был поднят белый флаг и открылись ворота, беспрепятственно впуская победителя. С тех пор они живут душа в душу.

Все считают, что и Лада такой же кремень. Включая её саму до сегодняшнего вечера. Как оказалось, все ошиблись – всего лишь не встречались на пути настоящие взрослые муж-

чины: всё какие-то инфантильные несерьёзные парни, живущие одним днём и ни на буквицу не задумывающиеся о будущем. Глупо и опасно связывать с подобными себя.

Николай отличается от прочих, как небо и земля, словно он из другой вселенной. Причём, сиё не только Лада заметила. Вот уж с кем прожила бы весь отпущенный срок. Даже батька на это благословил бы.

«Лада, ты ли это?» – возмущённо поднялся на дыбы внутренний голос. – «Что на тебя нашло? Жила себе спокойно-благостно – и живи дальше! Хотя бы несколько месяцев попроверяй его на надёжность. А то сейчас поцелуйчики, обнимашки, трепет, счастье, а через год – у разбитого корыта с шестым месяцем под сердцем!»

Ещё немного подумав, взвесив за и против, соглашается с последним доводом второго «я». Как-то же жила двадцать три года в одиночестве!

После достижения внутреннего согласия, перевернувшись на спину, девушка незаметно уснула.

... И провалилась в объятия вечернего знакомца. Только в новом мире они уже муж и жена, живущие в его яйском доме, недалеко от одноимённой реки.

– Ты наша берегиня, – любил говорить нежно ей в ушко Коленька, оглаживая могучей ладонью начавший проявляться животик на удивление ласково.

Ладушка действительно являлась берегиней – оберегала их семейный очаг от всего дурного, что могло его погасить.

Она с величайшим удовольствием заботилась о любимом, не считала чем-то зазорным готовить, мыть посуду или производить иные женские дела, к коим не подпускала Колю, как бы тот не порывался ей помочь. Не гоже женскую работу делать мужчине, а мужскую – женщине. Иначе получится упразднение женских и мужских начал.

Николай – добытчик, обеспечивающий необходимыми ресурсами покамест маленькую семью. Друзья не считали их богатыми: и впрямь не были миллионерами. Однако собственное мнение на сто восемьдесят градусов отличалось от большинства в окружении. На самом же деле богат не тот, у кого доходы составляют миллионы или миллиарды, а тот, кому хватает сполна имеющихся. У очень многих на Земле нет и трети того, что есть у них.

Есть крыша над головой, пусть старенькая, но полностью функциональная, машина, не голодают, не замерзают, жизненный уклад разнообразен, огромнейшая свобода выбора в действиях. А через четыре с половиной месяца они станут счастливыми родителями для крохотной Алисы. Что ещё нужно в жизни? Разве что дом, полнящийся многоголосым детским смехом! И то обязательно будет со временем – не всё сразу, в одночасье...

Девушке так не хотелось просыпаться и вставать, но переполненный мочевой пузырь не спрашивал хозяйку, чего она желает: за общими разговорами, вечером, выпито было больше обычного травяного чая.

Вернувшись к тёплой кровати, Лада ожидала продолжения счастливых сновидений. Разумеется, ожидания не оправдали себя. Повторно уснула быстро, однако сны были смутными, как в соответствующей воде, а образы нечёткими, размытыми, как у людей с плохим зрением, решившими снять очки. Мало того, что сон будто через омут, так ещё и рысь попал в беду – в ловушку, из которой самостоятельно не способен высвободиться. Как ни силилась рассмотреть, что же произошло с таёжным другом, не получалось. Удалось осознать к окончательному пробуждению две вещи: старый кот медленно умирает и находится где-то в недалёкой тайге.

Хвойно-зелёные глаза округлились от ужаса сновидения. Какое-то время в них читался болезненный вопрос: что вообще такое происходит, пока подсознание услужливо не подсказало – рысь в беде. Лада мгновенно забыла о первом, счастливом, сне, уверовав в реальность второго.

Она резко подскочила взведённой пружиной, сменила ночную рубашку на тёмно-серые лосины, такого же цвета бюстгальтер и футболку с рукавами ниже локтей. Не умывшись и не позавтракав, Лада примчала к пустой углярке, где сейчас ждал хозяйку скоростной велосипед. Выкатив его на бетонку, коротко прислушалась – из хозблока доносится «хор Турецкого» беспрерывно, значит, папа с мамой обихаживают там разнообразную скотину. Надо бы их предупредить о срочной поездке в лес, однако неутихающий страх за дикого кота заглушил голос разума. Девушка оседлала ве-

лик, как какого коня, за несколько секунд набрала высокую скорость.

Дорога была отнюдь не трековой, поэтому, как бы ни торопилась на помощь к мохнатому другу, приходилось серьёзно ограничивать скоростной режим по кочкам и ямам. «Только бы было всё хорошо с рысёнком!» – молила беспрестанно весь путь Лада, боясь только одного – оправдания наихудших толкований. – «Пусть кошмарный сон останется всего лишь пустым сном!»

Тайга – ото такой хвойный бескрайний сибирский лес, где не то, что на велосипеде не поедешь, но и пешим ходом не везде пройдёшь, особенно, там, где нога человеческая не ступала.

Подле Николаевки тайга исхожена за короткую жизнь девушкой совсем неплохо, но двухколёсник пришлось спрятать в зарослях непролазного орляка. Каждый житель деревни знает её любимый транспорт, потому маловероятно позарится на него с нехорошими помыслами, а вот залётные чужаки запросто. Бывали у николаевцев редкие прецеденты, особенно, у бестолковых ребятишек.

– Рысёнок, миленький, ау! – вроде бы спокойно позвала Лада четвероногого друга, приложив ладони к губам рупором. – Откликнись, пожалуйста! Твоя подружка пришла в гости!

Сия «подружка», похоже, совсем не боялась местных дебрей и природных ловушек, в которые и опытный лесничий

может угодить.

– Рысё-онок! Это я – Лада! – после сновидческого кошмара продолжал блуждать в сознании страх, но паники не было. И мишка, и рысь редко быстро отзывались на её призыв. Бывало, кто-то из них выходил, когда она уже собиралась домой. Так сказать, обнимутся, «поздороваются» и разойдутся довольные каждый по своим делам. Волчата и вовсе не реагируют на зов – подходят к ней тогда, когда сочтут нужным, правда, всегда вдвоём и ненадолго – такие занятые.

Рысь, к тому же, седой, как лунь, без её доброты и заботы, скорее всего, умер бы от мучительного голода. Девушка сумела по одной ей известным признакам определить кошачий возраст – аж восемнадцать лет! По человеческим меркам ему было бы в районе девяноста. Чего ожидать от старичка в дикой среде, без комфортных условий, к коим адаптированы больше домашние кисы. В дремучем возрасте рысь может не услышать и не узреть своевременно двуногую подругу.

– Пожалуйста, откликнись! Рысёнок! Рысё-онок! Почему ты молчишь?

Так Лада звала друга битых два часа. Голос охрип, одежда пропиталась потом от многокилометровых поисков. Простое хождение в густых зарослях, по пересечённой местности куда как утомительнее, нежели активная пробежка по городскому парку. Ещё бы мерзких кровососов кто отгонял, кружащихся вокруг неё роями, чующих запах пота и усталости.

Самый страшный зверь в тайге – не волк, медведь или росомаха. Куда страшнее их, вместе взятых, гнус, могущий зажать заживо или довести до неконтролируемого бешенства.

Упав на колени перед журчащим безмятежно ручейком, девушка сложила ладони «лодочкой», дабы напиться вкусной, экологически чистой, водицы и... обрызгать назойливых насекомых. Малоэффективно, но злость на них чуть-чуть остыла.

Зачерпнув в очередной раз в «лодочку» животворящей влаги с целью мало-мальски умыться от пота и налипшего растительного мусора. Рысь неожиданно замерла с водой в ладонях. Казалось, она забыла даже о злобных летучих вампирах. Шевельнулись крылья упрямого носика, зрачки расширились до предела и заняли объём радужки, сердце затаилось в груди, дабы собственным стуком не мешать хозяйке слушать лес. Девушка учуяла то, чего боялась больше всего: запах страха и отчаяния, в коем было что-то родное.

– Рысь! Рысёнок! – отчаянно прошептала девушка, расплескав воду и вспугнув в конец обнаглевших насекомых.

Лада сорвалась торпедой с колен, чтобы не потерять случайно путеводный запах. Она бежала на него, как по лунной дорожке, вроде бы не разбирая пути, но при том избегая ловко пружинящие ветки, торчащие предательски из-под земли корни и камни, непроходимые заросли и иные препятствия, могущие стоять, откровенно говоря, жизни или здоровья. Лада не думала о себе, ведь с каждой верстой отчёт-

ливее приходило осознание того, что беда приключилась не с кем-то другим, а с её рысёнком. Проклятый вещий сон! Мог предупредить много заранее? Был бы шанс избежать недоброй судьбинushки.

А судьбинushка в конце жизни рыся оказалась неоправданно жестокой. То, что девушка узрела недалече от высокого валуна, повергло оную в ужас и смятение. Она по первости остановилась в ступоре, раскрыв ротик от испытанного шока. Хищные челюсти ржавого волчьего капкана надёжно удерживали рыся за малую берцовую кость задней правой лапы, разорвав безжалостными треугольными зубьями шкуру, мышцы и сухожилия, кровь залила его, металлическое чудовище и землю кругом. Капкан удерживала тонкая и, вместе с тем, прочная цепочка, другим концом привязанная за молоденькую пихту.

Было видно, что он давно в ловушке истекает кровью, поскольку уже почти не шевелился, лишь слабо жалобно мяукал, каждый раз при этом вертя головой, лёжа на брюхе и помахивая коротким хвостом.

Сжав до побелевших костяшек пальчики в кулачки, Лада в диком вопле истошно выкрикнула:

– Рысё-онок!! Я здесь! Я с тобой! – и бросилась с каким-то нечеловеческим горловым рыком на помощь, могущая, наверно, в таком состоянии разорвать всякого, кто попадётся под горячую руку.

Словно с глубины омута рысь услышал такой родной жи-

вой голос, повернул на него морду, раскрыл глаза, в коих застыла пелена бесконечной боли, хрипло мяукнул. Из её же глаз хлынули ручьями горячие слёзы при виде невообразимых мук друга. Вначале она попробовала разжать тугие челюсти, не тревожа сам капкан. Естественно, безрезультатно. Скользкие из-за липкой горячей крови, крепко сжатые, не поддались с первой и последующих попыток. Лада каждый раз причиняла коту новые порции боли. У него уже не хватало сил и на мяуканье, из горла вырывалось громко дыхание с сипом.

– Пожалуйста, разожмитесь, – отчаянно закричала девушка, с огромным трудом отводя себя от пропасти истерики – тогда точно ничем не сумеет помочь старому рысю. Паника – худший помощник в любом деле.

Понимая, что без боли не обойтись, Лада полезла пальцами под зубья и с диким воплем, лишённым чего-либо человеческого, вперемешку со звериным рычанием, потянула челюсти в противоположные стороны, раздирая в напряжении кожу до мяса. Было самой очень больно, активизировав все внутренние энергетические резервы, она смогла разомкнуть достаточно, дабы высвободить изодранную лапу со сломанной костью. Капкан щёлкнул в резком сжатии, едва не прихватив Ладины пальцы, плюхнулся где-то рядом. По инерции Лада упала на спину, замолкла от нервного и физического истощения.

Полежав пару минут, вспомнила, что страшная рана, да-

же высвободившись от причины, её образовавшей, сама по себе не заживёт, а кость не срастётся. Резко поднявшись на пятую точку, случайно правой ладонью упёрлась в ненавистную железку. Вскочив на ноги, дёрнула её на себя, но цепочка ожидаемо выдержала. Подошла к дереву, за кое привязана, внимательно осмотрела на кортах способ крепления – ничего сложного для человека. Цепь обёрнута на один раз вокруг ствола и удерживалась загнутым крючком, вставленным в звено. Судя по хорошо повреждённой коре около цепочки, рысь долго дёргал её, пытаясь высвободиться из ловушки.

Только сейчас до Лады дошло, что капкан мог установить только человек! Из воздуха же он не проявится самостийно!

Обхватив цепочку в метре от челюстей, она с животной яростью, вспыхнувшей с новой силой, треснула ими об валун, высекая искры и каменные крошки, смахивая застывающую кровь с них; затем снова и снова, и снова – и так до тех пор, пока капкан не развалился на составные части, смятые до невозможного состояния, бросила цепь тут же.

Подойдя к рыси, упала перед ним на колени, не обращая внимания на впившиеся в них твёрдые сучки. Вновь по грязной коже опухшего лица потекли солёные слёзы, пробив себе отчётливые дорожки. Не токмо лицо – тело не отличалось гигиенической чистотой после долгой схватки с браконьерскими челюстями. Руки заметно тряслись, словно её посетил Великий Бодун, но на удивление легко выдрали кусок от ло-

сины до колена и бюстгальтер из-под футболки. Он хорошо впитывает пот, значит, и кровь. Безжалостно вырвала «косточки», держащие в правильном положении чашечки для груди, вытащила и выкинула сами чашечки, уже тканью пустого лифчика аккуратно протёрла обширную рану. Лада не допускала мысли, что друг может умереть от болевого шока, обильной кровопотери из жуткого разрыва и внутреннего перелома. Порвала по шву тубус штанины, обвязала ею всю рану.

Сколь бы осторожными ни были манипуляции её, всё равно рысь должен шипеть и дико мявкать от частых вспышек боли, однако он молчал и не подавал признаков жизни. Вытерев пот со лба пальцами с засохшей кровью на них, она подползла к другу спереди, тихо-тихо проклиная браконьеров. Обхватила голову ладонями, вглядываясь в морду, мокрую от собственных слёз, соплей, слюней и крови. Кровью измазался, когда пытался вырвать железную тварь с задней лапы. Лада нежно уложила её себе на ноги и, удерживая оную от сползания, мерно закачалась маятником, тихо подвывая от обрушившегося на хрупкие плечи неподъёмного бремени горя. Любимый рысёнок ещё дышал, но то были последние глотки жизни. Скорее всего, не сможет помочь и армия профессиональных ветеринаров с ультрасовременным оборудованием. Слёзы обиды, не прекращая, бежали по личику, собирались на подбородке и тяжёлыми каплями срывались на седую шерсть, увлажняя и просаливая в одном конкретном

месте.

«Рысёнок, миленький, зачем ты спустился к нам с гор Кузнецкого Алатау? Благоденствовал бы там под присмотром лесничих заповедника, не ведая жестоких орудий убийства, придуманных бессердечными и бездушными людьми! Что ты *здесь* нашёл такого, чего не было на твоей родине?»

На самом деле рысь чувствовал её боль, как свою, только ничего с нею поделать не мог. Он истёк кровью и неумолимо угасал. Тело медленно холодело, мышцы незаметно стягивало в тугие комки. Сознание ускользало от него куда-то в ледяную бездну, всё слабее реагируя на призыв воли. Потому и пропустил приход двуногой мрази с большим мясницким ножом в руке, одетый в старую брезентовую спецовку и поношенные кирзовые сапоги с высоким голенищем, за широкими плечами огромный холщовый, вероятно, с советских времён, ранец, затянутый верёвкой в горловине.

Щетинистый здоровенный мужик вышел со стороны ручья, откуда пришла на помощь рысю и Лада. На его фоне Коля выглядел бы прыщавым доходягой. Рожа зверская, перекошена множеством рубцов древних шрамов, глубоко посаженные карие глаза алчно взирали на седого кота, жёсткие чёрные волосы соломой торчали во все стороны.

Он свободной лапищей схватил рыся за шкуру и, как тщедушного котёнка, поднял перед своей мордой, детально разглядывая его шкуру.

Лада ошалела от беспринципной наглости несурзадного во

всех смыслах браконьера. А когда сообразила, наконец, что происходит нечто из ряда вон выходящее, пружинисто подскочила на ноги и с яростью бешеной кошки набросилась на бездушную мразь, не раздумывая о несоизмеримости и абсолютном неравенстве сил. Мужик равнодушно отбросил вправо от себя так и не очнувшегося кота и в тот же момент ударом основания вонючей ладони в лицо откинул её на землю, без малейшей жалости и мужских принципов добавил носком сапога с хрустом по рёбрам. Лада отправилась в спасительное беспамятство.

Браконьер дёрнулся было к валяющейся рыси, но, мельком глянув на девушку, растелившуюся на спине, ещё кривее усмехнулся, блескнув жестокими глазами. Шкура самостоятельно не уплзёт в кусты, а девица, хоть и измазана прилично грязью и кровью с ног до головы, всё же красотишка. Таковую будет пользоваться всегда приятно, много лет – срок годности не скоро подступит. Ничего, он тоже сейчас не первой свежести – справит сугубо мужскую потребность, разделает рысь и утащит шкуру и молодку с собой в логово.

Он опустился на колени, отложил нож в сторону, принялся неторопливо – куда спешить-то? – снимать с девки лосины со штанинами разной длины. Кровь, бегущая из разбитых ударом носа и губ, охоту не только не отбивала, напротив, возбуждала. Его вообще чужая кровь с мальства возбуждала.

В это же самое время два крупных белых волка подбежали к приметному древнему кедру бесшумно. Три года назад

Лада нашла их голодными и холодными у норы заброшенного волчьего логова и, вместо того, чтобы забрать к себе, попросила старого бывшего охотника из её деревни помочь им стать настоящими дикими волками.

Однако на данный момент необычные волчата вперили рубиновые глаза в умирающего рыся. Девушка давно заподозрила, что оные разумнее любых домашних собак или дрессированных сородичей, а также обладают некими мистическими возможностями. Женская интуиция и здесь не подвела. Они не рассматривали кота в качестве лёгкой добычи – с ним у них военный нейтралитет. Его очень любит Ладушка и не даст в обиду даже могучему мишке. Напротив – хищники дарили ему второй шанс, пока двуногий боров не убил беспомощную девушку. Каким-то чудесным образом кость неправильно срослась, разорванные ткани на страшной ране косо затянулись. Кровяные клетки без питания стали умножаться количественно, остывающая кровь разогналась по жилам с новой силой, вновь разогреваясь сама и прогревая деревенеющее тело. Усиленно забилося сердце, выровнялось почти угасшее дыхание, свалывшаяся шерсть разгладилась, кисточки ушей впервые за последние два года поднялись вертикально. Левое ухо, не прижатое к земле, зашевелилось, восстанавливая слух и всё яснее улавливая нотки смертельной опасности. Рысь открыл глаза, наполненные первозданной яростью, с трудом поднялся на лапы и, шибко хромя, стал красться к ненавистному врагу, посмевавшему

обижать подругу.

Похоже, в последний момент неудачливый насильник что-то почувствовал затылком, потому что резко повернулся. Последнее, что тот увидел в никчёмной жизни, рысьи клыки, в безумном гневе вцепившиеся ему в боковую часть бычьей шеи. Хищник безжалостно вырвал кусок мяса с сухожилиями. Кровь заливала звериную морду, грудь, самого человека, немного досталось и Ладе. Седой кот в неуклюжем прыжке на грудь опрокинул браконьера на бок (на спину не дал ранец), в последнем порыве гнева разодрал когтями горло и лицо до неузнаваемости.

Отряхнувшись от чужой мерзкой крови, рысь капканом сжал челюсти на кисти теперь уже мертвеца и, упёршись тремя здоровыми лапами в землю, стал рывками оттягивать бобра от подруги, до сих пор не приходящей в себя. От титанического напряжения развязался кусок лосины на старой ране, напряжённо хрипел и мяукал надсадно, но через полчаса оттащил на метр тушу, продолжающую истекать парящей кровью, до остатка впитывающуюся в прошлогоднюю хвойную подстилку и почву под ней. Спрашивается, зачем столько усилий после короткой клинической смерти? Возможно, людей, могущих понять смысл действий рыся, можно сосчитать по пальцам рук во всей России.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.